

18+

СУПЕР ИЗДАТЕЛЬСТВО

НИКОЛАЙ ВОРОНЦОВ

ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ

ЛЮБОВЬ • ШОУ-БИЗНЕС • ЖЕСТОКИЙ УБИЙЦА

Николай Воронцов

Пятая печать

«СУПЕР Издательство»

2018

УДК 882
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Воронцов Н.

Пятая печать / Н. Воронцов — «СУПЕР Издательство», 2018

ISBN 978-5-907040-73-1

Главная героиня книги молодая и амбициозная Жанна, концертный директор новой попсовой московской группы «Мэри». Дебютные выступления этой группы запланированы в одном из самых лучших концертных залов столицы, а по городу уже развешаны яркие баннеры: «Мэри» – скоро все офигеют!» И незадолго до концерта одну из участниц коллектива находят мертвой на крыше многоэтажки со всеми соответствующими ритуальному убийству атрибутами: дьявольской пентаграммой и странной запиской, текстом из Откровения Иоанна Богослова: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри...». За первым убийством следует второе, третье, четвертое... И ни у кого уже не остается сомнений, что в столице орудует новый серийный маньяк убийца, последователь одного из древних, поклоняющихся дьявольским силам, культов. И Жанна еще не знает, что во всей этой жуткой истории ей уготована совершенно особенная роль.

УДК 882
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907040-73-1

© Воронцов Н., 2018
© СУПЕР Издательство, 2018

Николай Воронцов

Пятая печать

© Воронцов Н., 2018

© SUPER Издательство, 2018

* * *

Он бросил ее на лопатки и принялся стаскивать белье, после чего закинул ее ноги себе на плечи.

От ударившего оглушительной волной неистового счастья она застонала и оцепенела, но ненадолго, уже через мгновение попыталась подняться и нежно прижаться пылающей щекой к его сильной груди, но, тут же раздосадовавшись на себя за эту свою проявленную слабость, отпрянула, и, сама не зная зачем, принялась расстегивать непослушными пальцами пуговицы его рубашки. Но, понимая, что все равно ни с чем не может справиться и только падает-падает куда-то в беспросветную тьму, словно разъяренная кошка, отчаянно царапая острыми ногтями его плечи и шею, попыталась подняться, цепляясь за него, несокрушимого и мощного в каждом своем взбухшем мускуле, но не смогла и снова в сладком бессилии упала навзничь на стол, ненароком задев и опрокинув при этом руками массивную стеклянную вазу с лилиями.

Холодная, раскатившаяся по плоскости стола и показавшаяся ее разгоряченному телу почти ледяной вода вмиг пропитала блузку, и осыпавшиеся дурманящие лепестки запутались в волосах.

Тяжело дыша, он остановился, резким движением рванул ткань ставшего тесным ворота, вскинул заигравшие мускулами руки вверх и, словно белесую змеиную кожу, стянул с себя через голову мокрую от пота, прилипшую к телу рубашку, после чего небрежно отшвырнул ее куда-то в сторону и, свободный от всего, снова склонился над ней.

«Господи, как хорошо!» – за миг до поцелуя осознала она.

Впрочем, никакого поцелуя не случилось, хотя она и страстно желала этого, и его губы были так невероятно близко, что даже горячее их дыхание сливалось воедино и оттого безо всякого вина самым настоящим образом обжигало и пьянило.

«Нет!» – поняла она. Он и не собирался дарить ей поцелуй.

Его губы, находившиеся всего лишь в каком-то ничтожном миге от ее губ, были безумно красивы, но при этом неподвижны и абсолютно холодны, словно высечены из мрамора. Он и не намеревался дарить ей прикосновение своих губ, но и удалиться со своей орбиты, судя по всему, тоже не собирался. Вероятнее всего, в этот показавшийся ей просто каким-то космическим миг он просто изучал ее так, как дикий зверь изучает свою жертву.

Было жарко.

Она трогала пересохшими губами вздутые вены на его руке и ловила языком капельки стекающего по его горячей коже пота, словно хотела напиться и все никак не могла это сделать.

Странное это было ощущение, сродни какому-то болезненному и в то же время сладкому нервному импульсу, которого, замирая, ждешь и который вдруг неожиданно ускользает куда-то мимо тебя.

«Нет. Он не любит меня!» – уже в полной мере осознала она, и от этой мысли ей стало безумно горько. – Так нельзя!» – чуть было не закричала она и вцепилась пальцами в его взбухшие мускулы на груди. Скрипнув от боли зубами, он, не останавливаясь, в полном молчании продолжил. «Обманщик!» – хотела было закричать она, но не закричала... Ведь кто кого, спрашивается, обманул? Разве он обещал ей что-то?! Конечно же нет! Она сама обманула себя.

Придумала невесть что и сама же во все это и поверила. Любовь! Какая на самом деле может быть между ними любовь? Между ними: руководителем и подчиненной?

Глядя туда, куда утекает месиво московских крыш, Кришна не спеша пил кофе.

Все еще лежа на столе, Жанна смотрела на его красивое нагое тело на фоне алого пятна сгоревшего в небе последнего осеннего дня в огромном, от стены до стены и от пола до потолка, панорамном окне. Ей хотелось прямо сейчас же подойти к нему и укрыться в его уютных объятиях. Только она уже совершенно точно знала, что ничего этого не будет. Кришна не позволит ей это сделать, как минимум посмотрит с непониманием и удивлением, а как максимум отстранит ее от себя и отойдет в сторону. Даже после того, что только что между ними было! Да и что было-то?! Просто секс?! Секс, от которого лично она не получила совершенно никакого удовольствия, хотя, может, еще днем даже и мечтать не могла оказаться наедине с этим мужчиной и увидеть его вот такого, трогательно красивого и все равно бесконечно недостижимого.

Да и произошло-то все как-то неожиданно. Он, угадав ее желание, просто сделал то, что и должен был сделать сильный мужчина с красивой женщиной: без всяких лишних разговоров притянул к себе, прижался и крепко обнял со спины, после чего буквально обжег ее волосы своим горячим дыханием. Это уже потом пуговицы на блузке предательски начали лопаться, воздуха дыханию резко стало не хватать, и по телу пробежала волнительная судорога.

И вот теперь, словно самый восхитительный на свете десерт, она лежала на столе с обнажившейся в мокрой блузке грудью, с рассыпавшимися по столу каштановыми волосами в томящем и одурманивающем аромате лилий и в своей бесстыжей привлекательности была просто невероятно хороша, однако единственный зритель в этом пустом зале смотрел вовсе не на нее, а совсем в другую сторону.

«Хорошо быть мужиком! – глядя на Кришну, грустно подумала она. – Хоть в одежде, хоть без одежды. Хоть рано утром, хоть поздно вечером. И не надо тебе голову ломать над тем, не смазлся ли твой макияж и не распалась ли твоя прическа. Ты всегда совершенен! Всегда бог! Что там, кстати, с моей прической?»

Жанна поднялась, свесив ноги с края стола, села и принялась приводить в порядок волосы, освобождая их от лепестков лилий и собирая их в импровизированный букетик, но вдруг в бессилии опустила руки и оцепенела.

«Он бог, а я нет. Я ноль! Меня нет! И сегодня поздно вечером я снова приду домой, в свою заваленную модными тряпками квартиру, останусь одна и, словно муха в тягучей патоке, буду медленно тонуть в пустоте и поганом своем одиночестве!»

Странно, но именно теперь она в полной мере осознала это! Никогда раньше одиночество как таковое не казалось ей настолько невыносимым. Жанна будто прозрела: именно сейчас ни с того ни с сего вдруг увидела мир совершенно иным, вернее, не иным, а таким, какой он есть на самом деле. Совершенно бессмысленный пустой мир с невыносимо одинокими людьми в офисах, в супермаркетах и на улицах, которые именно от этого своего жуткого одиночества улыбаются друг другу при встрече, здороваются и обмениваются бессмысленными дежурными фразами типа: «Как дела?», «У тебя все хорошо?», «Давно не виделись. Как все-таки быстро летит время». Просто в толчее и людской сутолоке Жанна на это почему-то никогда, по большому счету, не обращала внимания.

А сегодня на Жанну будто очки надели. Вот откуда взялось это такое новое и странное представление о мире и людях? Ведь не от Кришны же она это в самом деле подцепила? Хотя...

В общем, секс с Кришной в самом деле оказался незабываем! Такие совершенно новые ощущения и эмоции, о которых раньше она даже и не догадывалась.

Жанна разочарованно и немного зло хмыкнула. Кришна, конечно же, услышал это, но не обернулся, даже вида не подал, что заметил что-то. Ему в самом деле было совершенно до лампочки все, что происходило сейчас с ней.

Нет, Жанна, конечно, и раньше чувствовала все это: и пустоту окружающего мира, и свое одиночество, – только все это раньше было где-то далеко, так сказать, на подкорке да на уровне бабских разговоров о том, что у женщины обязательно должен быть спутник жизни, но именно теперь это чувство сформировалось в законченное и окончательное в своем роде ощущение.

Жанна еще несколько минут вертела в руках получившийся из лепестков белых лилий импровизированный букетик, после чего без всякого сожаления бросила его на пол. Букетик, медленно кружась, упал и от удара рассыпался на части.

Итак, он любит не ею, а закатом!

А она терпеть не может эти самые закаты, потому что за закатами, за этой живописно разлитой по небу алой краской обязательно придет темнота.

«Все будет хорошо! – сделав пару глубоких вдохов и ненадолго закрыв глаза, поспешила она успокоить себя. – Не было ничего! И не будет! Выбросить Кришну как мужчину из головы раз и навсегда! Чтобы больше не мучить лишний раз себя».

– Норм! То, что надо, – все еще глядя куда-то за горизонт, произнес наконец Кришна.

Ни один мускул его тела при этом не дрогнул, Кришна стоял совершенно неподвижно, и Жанна даже чуть было не засомневалась, не послышался ли ей вообще его голос.

– Я старалась, – с некоторой долей иронии отозвалась она и мысленно усмехнулась.

Норм! Что за дурацкое слово? Норм. Да этот модный пентхаус съел почти весь бюджет их продюсерского центра, плюс пришлось влезть в жуткие кредиты и долги. И еще неизвестно, что будет дальше, сможет ли их новоиспеченный модный проект отбить все эти расходы.

«Не норм, а просто отлично по всем категориям!» – мысленно возразила она.

Только вот, спрашивается, какого рожна вся эта красота?! И ведь не ради понтов каких-нибудь корявых, чтобы сюда друзей водить и громкие пирушки закатывать, и не для пиара какого-нибудь дельного это все, типа интервью с фотографиями для модного глянцевого журнала или сюжета в телевизоре, типа «Переделываем квартиру вместе с Ивановой Машей»; и даже не для того, чтобы, к примеру, снять в этом дорогом и модном интерьере какой-нибудь новый клип для девчонок, а просто так, для себя любимого. Чтобы отсюда, с последнего этажа самого пафосного в столице здания с бокалом красного вина, ну, или с чашкой дымящегося кофе, наблюдать, как багровое солнце заваливается за горизонт. «Красота, конечно! – молча усмехнулась Жанна. – Только вот лично у меня нервов не хватило бы точно так же, как он, сейчас спокойно любоваться открывающейся панорамой, зная, какое у их продюсерского центра сейчас финансовое положение».

Впрочем, очень даже может быть, что у Кришны на этот счет имеется какой-то недурственный план, в который он пока никого, в том числе и ее, Жанну, еще не посвящал. Хороший, тщательно обдуманный план, который позволит быстро и безболезненно рассчитаться со всеми долговыми обязательствами, ведь не глупый же он человек, в конце концов?! Ведь хватило же ему ума придумать этот новый клевый попсовый проект, и не только придумать, но и воплотить придуманную идею в реальную жизнь.

– Столько объектов пересмотрела, пока этот вариант нашла, – осторожно спускаясь со стола, сказала она. – Я как сюда вошла, сразу поняла, что тебе понравится. Это то самое, твое! И главное, как раз в твоём вкусе, без всяких этих бабских соплей в виде шторочек, подушечек и фотографий в рамочках.

Не оборачиваясь, он едва заметно одобрительно кивнул.

«Вот так вот тебе! За все твои старания! Едва заметный одобрительный кивок головой!» – горько усмехнулась она.

– Что там у нас с проектом? – сухо спросил он.

«Наконец-то вспомнил про проект!» – мысленно воскликнула она.

– В общем, Сажин был прав, предложив развесить по всему городу баннеры с упоминанием о группе. В самом деле, старый и проверенный способ. Получилось очень даже неплохо

и, главное, интригующе. Теперь, наверное, только ленивый не думает над вопросом, от чего это все скоро офигеют. Тимур, конечно же, молодой и не без странностей, но, как выяснилось, очень даже креативный парень. Мне говорили, что по части пиара он просто гений, Гоген и Пикассо в одном флаконе, но я как-то не верила, а теперь сама в этом убедилась.

Сказав это, она иронично усмехнулась, помолчала минутку, ожидая от Кришны каких-то комментариев на этот счет, после чего заметила:

– Я думаю, Тимур приложит максимум усилий, чтобы раскрутить проект. Для него это что-то вроде будущей визитной карточки. Если с раскруткой этого проекта он справится, то заказы посыплются на него, как из рога изобилия. В любом случае, благодаря его молодости ему более понятны все эти новые пиар-технологии, которых не было еще, скажем, пять лет назад. Мне кажется, он хорошо знает, на что сейчас больше всего реагирует зритель и как этим лучше всего воспользоваться.

– Что там у нас с проектом? – грубо перебив ее, повторил свой вопрос Кришна.

– По проекту подготовка идет полным ходом. Девочки трудятся, ежедневно репетируют, занимаются с педагогами по вокалу, хореографии и сценическому мастерству. Сегодня смонтировали новые концертные костюмы, кое-что выбрали для себя. В общем целом, мне кажется, что по проекту все очень даже неплохо вырисовывается.

Кришна снова ничего не ответил, промолчал.

И Жанна знала при этом, что даже после того, что только что с ними было, ее личное мнение его абсолютно не интересует, потому что только он сам на самом деле может знать, плохо или неплохо все там на самом деле вырисовывается. Только он сам.

Она втиснулась в узкую юбку, застегнула на боку молнию, расправила на себе влажную еще немного блузку, собрала волосы в пучок, после чего водрузила на нос очки в модной оправе и, превратившись в серую офисную мышь, огляделась в поисках айфона и туфель.

– По выступлениям что? – холодно продолжил Кришна.

– На завтра-послезавтра запланирована пара выходов в «Питбуле» и еще в каком-то клубе, даже и не помню названия, надо в планинге посмотреть. Какая-то рок-н-рольная пивнушка с еженедельными концертами звезд в живом звуке для местной гопоты у черта на куличках. Выступления запланированы даже не столько ради денег, сколько для того, чтобы девочки могли обкатать номера на публике. И это даже хорошо, что в зале будет именно такой контингент. Девочки должны знать своего среднестатистического зрителя и уметь с ним работать. Заодно посмотрят, как Мара на сцене себя ведет, поучатся у нее с зрителями работать. Думаю, к концерту в «Хроносе» номер с песней «В море облаков» будет, что называется, отточен до мелочей. За этот сборный концерт в «Хронос сити холле» отдельное спасибо Викентию. Если бы не его поддержка, ничего этого не было бы, на самом деле. Или было бы, но не так быстро. Участие в предновогоднем концерте в «Хроносе» – это хорошая возможность для группы засветиться на главном музыкальном канале страны в компании самых топовых звезд. Народ обожает смотреть новогодние концерты, в том числе и в многочисленных повторках, и наверняка обратит внимание на новую поп-группу и новую хитовую песню, – она немного помолчала, давая Кришне возможность задать на этот счет какие-нибудь возникшие вопросы, после чего продолжила: – Также ведется активная работа по продвижению хита «В море облаков» на радио, песня в ротации потихоньку набирает обороты, параллельно отслеживаем интерес слушателей к треку на разных радиальных ресурсах, торрентах и интернет-площадках, – и, предвзяв следующий вопрос Кришны, она устало вздохнула: – Параллельно согласовываем гастрольный график. По новогодним корпоративам информация следующая: с самыми топовыми заведениями я сама лично проведу переговоры и займусь этим вопросом уже в понедельник. Думаю, после концерта в «Хроносе» мы сможем резко увеличить число заявок на выступления. При хорошем раскладе в период новогодних корпоративов сможем отбить часть затрат на проект и хоть немного уйти в плюс. – Ожидая от Кришны хоть какой-то реакции, она еще

немного помолчала, потом продолжила: – По идее, можно было бы перед новогодними праздниками какую-нибудь сенсацию в медиа запустить, чтобы дополнительно привлечь к проекту внимание зрителей. Но с этим пока определенности нет, и, кроме того, все уже вовсю следят за новым скандалом Филипа Иркорова. Вот уж кто в самом деле умеет перед новогодними корпоративами напомнить о себе, причем делает это с завидным постоянством и очень точно по времени, а также целенаправленно по зрительской аудитории! Даже если сейчас и удастся выпустить какую-нибудь новость про девочек, то за вниманием к королю никто даже не обратит внимания на новую сенсацию о пока еще малоизвестной группе.

Жанна помолчала, потом продолжила:

– Можно было бы, конечно, за этим в какое-нибудь крупное пиар-агентство обратиться, но там за работу сейчас запросят просто заоблачную цену. Думаю, в любом случае, серьезным продвижением группы займемся теперь уже только в следующем году, то есть после новогодних праздников. Сейчас эту работу сделать просто не успеем, как бы Сажин и не лез из кожи вон. Для серьезной раскрутки нужен какой-то очень интересный ход, что-то такое неординарное, чего до этого еще не было. Что-то такое, чтобы все в самом деле обалдели. Или что? – осторожно спросила она.

Она все еще ждала от Кришны хоть какой-то реакции на этот счет или даже намек на то, что эта проблема его тоже волнует и занимает, однако так ничего и не дождалась: ни задумчивого вздоха, ни оптимистического слова, что все будет хорошо – одно только полное гранитное спокойствие.

Жанна втиснула ступни в туфли и, сжимая в руке айфон, медленно и почти неслышно подошла к Кришне, после чего, скрестив руки на груди, с задумчивым видом встала немного левее него, за спиной.

Наверное, со стороны картинка выглядела очень даже живописно: голый и очень красивый в своей наготе, словно античный бог, высокий и строгий рыжий бородатый руководитель с чашкой кофе в руке, и рядом с ним, чуть сбоку за спиной, не менее задумчивая подчиненная на высоких каблуках, в очках, строгой юбке и белой блузке.

Со стороны все выглядело, наверное, именно так, но на самом деле Жанна жадно смотрела на широкие, рябые от загара плечи Кришны, накачанные руки и бугристую, мускулистую спину со свежими царапинами – следами ее острых ногтей. В какой-то миг она представила, как касается горячими губами его плеча, в неконтролируемом головокружении скользит по лопатке, вниз, мимо подмышечной впадины...

«Достаточно!» – остановила она себя, чтобы окончательно не потерять связь с реальностью и не провалиться в этот зыбкий мираж.

«Может быть, он прав? Ну ее на фиг, эту любовь? Ведь может же быть хорошо мужчине и женщине просто так, без всяких там чувств? – подумала она. – Как странно! Вроде бы и близко он, всего на расстоянии вытянутой руки, и в то же время невероятно далеко, будто бы совсем на другом краю света. Ну почему в жизни все именно так?» – от отчаяния Жанна даже прикусила губу.

Кришна, скорее всего, в полной мере уже почувствовал ненасытность ее взгляда, но даже не посмотрел в ее сторону. А ведь мог бы и повернуться, и обнять, и прижать к себе, чтобы она, Жанна, сразу же задохнулась бы от счастья и запаха его кожи, ведь что еще женщине надо?! Вот что ему, жалко, что ли?! Ведь любой другой мужик на его месте так бы и сделал. Ведь это же такая малость – просто подарить другому человеку часть своего тепла, пусть даже и всего лишь на пару каких-то минут. Впрочем, Кришна, наверное, и так уже сделал для Жанны просто невообразимое.

«Царский подарок!» – подвела итог она сегодняшнему дню.

И оставленные ею на его коже царапины уже завтра исчезнут и пройдут без всякого следа, словно их и не было никогда. Чтобы какая-нибудь другая сумасшедшая и до жути одинокая

кошка могла повторить все то же самое и испытать все то же самое, что совсем недавно испытала она.

Жанна тихо отошла в сторону, набрала на айфоне номер и приложила телефон к уху:

– Ты где? Тут еще?

– Так точно! – был ей ответ.

– Выхожу.

– Что-то нужно еще от меня? – бесцветно и немного устало обратилась Жанна к Кришне.

Кришна снова ничего не ответил, даже виду не подал, что вообще услышал эту ее последнюю фразу.

Она немного помедлила, раздумывая над тем, что бы еще могла сказать ему, пусть даже и не буквально, а мысленно, после чего быстро и незаметно ушла.

Впрочем, уже спустившись вниз и выйдя на улицу, к автомобилю, Жанна вспомнила про оставленную в апартаментах Кришны сумку, после чего, словно преступник на место преступления, вернулась, при этом нарочно особо не спешила. В упоении своего одиночества постояла немного на улице, вконец озябла и вернулась к лифту. Через все еще незапертую дверь она вошла в апартаменты, но не шумно и открыто, благо причина для возвращения в виде случайно оставленной сумки была вполне уважительная, а, согласно природному женскому любопытству, сделала это крайне осторожно и крадучись.

В огромной и сумрачной, без света, прихожей она мгновенно растворилась в сумерках и сразу же вся обратилась в слух.

Она не видела Кришну, но слышала его голос.

«С кем это он там разговаривает? Сам с собой, что ли? Или, может быть, по телефону?» – удивилась она. Присутствия какого-либо иного собеседника по характеру звуков в комнате категорически не наблюдалось, Жанна поняла это сразу.

Что-либо разобрать в разговоре она тоже не смогла, как ни прислушивалась, впрочем, что-то все же долетело до ее слуха:

– Когда же, черт рогатый, ты меня избавишь, наконец, от своего присутствия? – голос Кришны был не сказать, что очень уж как-то сердит, просто прозвучал немного громче и отчетливее.

– Я один такой на свете? – было следующее, что спросил Кришна. И после этого следующая отчетливая фраза в продолжение предыдущей: – Я спросил про одержимость потусторонними силами – чертями, бесами, демонами?!

Далее, как Жанна ни прислушивалась, разобрать что-то еще она не смогла, только лишь одну последнюю фразу, сказанную, как ей показалось, с некоторой язвительной окраской и про себя самого:

– ...псих-одиночка...

Долетевшая до нее эта фраза в огромном полупустом помещении прозвучала как-то особенно отчетливо и гулко.

И это не было похоже на разговор по телефону, в связи с чем Жанна, не зная, как вообще, в каком контексте расценивать происходящее, осторожно попятилась к выходу.

«Зачем ты вернулась? Зачем? – корила она себя. – Ведь решила же забыть о нем как о мужчине раз и навсегда!»

Какое-то нехорошее чувство от всего подслушанного вдобавок вмиг засело в ее голове. Что-то совершенно непонятное, но в то же время совершенно не укладывающееся в сознании.

– В офис! – упав на переднее пассажирское сиденье, скомандовала она, а сама при этом подумала: «Куда угодно, хоть на край света, только не домой, в эту противную тягучую патоку».

– Будет сделано! – трогаясь, спокойно отозвался Виктор и вроде как совершенно равнодушно скользнул взглядом по ее коленям.

Жанна тут же нервно поспешила прикрыть колени сумкой: не хватало еще, чтобы каждый встречный-поперечный пялился на ее колени без всякого на то ее согласия, да и не тот Виктор человек, который будет делать что-то просто так. Было в его взгляде что-то такое пронизательное, может просто в силу возраста. Люди зрелого возраста всегда более внимательны к разного рода мелочам. Этот его взгляд, даже когда был совершенно, казалось бы, спокоен и равнодушен, Жанне никогда не нравился, и вовсе даже не из-за пронизательности, а скорее из-за какой-то своей странной стеклянности. Такой взгляд, словно бы остановившийся, часто встречается у людей, некогда сильно пивших, хотя и не было повода назвать Виктора алкоголиком.

Ни разу за все время работы он не был замечен в употреблении алкоголя. Даже с похмелья ни разу не был, наоборот, всегда подтянут, опрятен, тщательно выбрит и надушен, пусть и не самым дорогим, но все-же приятным каким-то, и самое главное, не очень резким одеколоном.

– Что такая злая? – спокойно поинтересовался он.

– Не твое дело! – все еще пребывая под впечатлением от подслушанного в квартире Кришны монолога, буркнула она в ответ, да так зло, что окончание фразы получилось почти что на визге.

Впрочем, от этого визга Виктор не то что не смутился, а даже и вида не показал, что это его как-то задело.

– Что я такого сказал? – совершенно спокойно ответил он. – Просто из вежливости поинтересовался! Чтобы, так сказать, разговор поддержать.

В общем, повода для злости в самом деле не было.

Немного усовестившись, Жанна сменила тон:

– Просто устала очень. Есть у тебя что выпить? В горле пересохло.

Так уж повелось, что, несмотря даже на разницу в возрасте, обращалась Жанна к персональному водителю и охраннику в одном лице исключительно на «ты».

Сказав это, она в поисках питья обернулась назад, на заднее пассажирское сиденье, но кроме спортивной черной сумки ничего там больше не обнаружила.

– Это мое, – кивнув на сумку, сообщил ей Виктор и тут же добавил: – Кроссовки, спортивная. Утром на тренировку ездил.

Не отпуская руль, он одной рукой достал откуда-то из бардачка начатую бутылку виски и бумажные стаканчики:

– Из питья есть только это.

– Вообще-то, я минералки хотела, – буркнула ему в ответ Жанна, однако бутылку взяла и удивилась: – Ты же вроде не пьешь?!

– Это не мое, – отозвался Виктор. – Эту бутылку девчонки оставили, когда со студии домой ехали. Всю дорогу виски с колой мешали и песни орали.

– В самом деле? – удивилась Жанна. – И ты, весь такой правильный, даже не призвал их к порядку?

Свет оранжевого фонаря скользнул по гладко выбритому и от этого показавшемуся Жанне каким-то особенно острым лицу Виктора.

– Не имею такой привычки – людям замечания делать, – все так же спокойно и равнодушно пожал он плечами.

– Просто завидую твоему самообладанию и спокойствию, – сказала Жанна. – А у меня чуть что, нервы сразу же в электрические провода превращаются.

– Пройдет с годами, – отозвался Виктор.

– Ну да, ну да, – согласилась с ним Жанна и, бросив стаканчики на заднее сиденье, отпила прямо из бутылки.

«В этой жизни всё так! – мысленно решила она. – Мечтаешь об одном, а получаешь совсем другое!»

На голодный желудок горячее тепло тут же мгновенно разлилось по ее телу.

Пятничные вечерние пробки зажгли город под почерневшим небом красными и белыми, а для Жанны после принятого алкоголя еще и резво танцующими, яркими огнями.

Она хотела было сделать еще глоток и даже поднесла бутылку к губам, но в этот момент айфон в ее сумке запищал и засверкал вспышкой. Жанна достала его и некоторое время держала в руке и тупо смотрела на экран, раздумывая, отвечать или нет на звонок. Вести вычурно вежливый и крайне интеллигентный диалог с тем, чей номер высветился на экране, ей сейчас совершенно не хотелось. «Наверное, не срочное, – решила она. – В конце концов, рабочий день уже закончился! Завтра перезвонит!» – и бросила айфон обратно в сумку.

– Могу тормознуть где-нибудь у супермаркета, – предложил Виктор и уточнил: – Купить чего-нибудь на заливон или на закуску.

– Не надо, – ответила Жанна и сделала еще один глоток виски.

Ей было уже очень даже хорошо и без заливона и закуски.

– Что он сказал-то? Понравилась ему хата? – спросил Виктор.

– Сказал: «Норм!», – сделав новый глоток и промокнув губы тыльной стороной ладони, равнодушно ответила Жанна.

– Еще бы не норм! – сказал Виктор. – Не квартира, а целый стадион! – и иронично усмехнулся: – На свадьбу никакого ресторана заказывать не надо!

– На какую еще свадьбу? – не поняла, о чем идет речь, Жанна.

– Да так, – махнул рукой Виктор. – Глупости. Просто, когда со студии ехали, девчонки всю дорогу шутили про Мару, Кришну и их будущую свадьбу.

Какое-то время ехали молча, и молчание это вышло каким-то особенно напряженным. По повисшей тягостной тишине Виктор почувствовал, что сказал что-то не то, и немного погодя попытался исправить ситуацию:

– Да просто девчонки шутили, что, типа, ждут не дождутся, когда Кришна Маре предложение сделает. Типа, не зря же он квартиру прикупил, гнездышко свил. Теперь осталось только вторую половину на новую жилплощадь привести и прописать. Типа, это же всегда так бывает, что продюсер в итоге на своей подопечной певице женится. Да говорю же, глупости все это! Так, глупый треп.

Наверное, в глубине души он надеялся, что эти его слова как-то разрядят ситуацию, однако никакой разрядки не вышло. От услышанного Жанна впала в еще больший ступор и даже про виски забыла.

Она прекрасно понимала, что слова Виктора достаточно правдивы и никакого намерения у Кришны жениться на Маре нет, во всяком случае пока, однако одно только теоретическое существование такой возможности непонятно отчего дикой волной ревности самым настоящим образом оглушило Жанну.

Да что же это такое?! Ведь она же сама себе совсем недавно пообещала выбросить Кришну из головы и забыть о нем как о мужчине раз и навсегда.

– Серьезно? – стараясь говорить как можно равнодушнее, спросила она.

– Говорю же, придуривались! – произнес Виктор. – Глупые и молодые, вот и несут всякий вздор. Я их скорее всех по домам, от греха подальше, развез, чтобы не слышать этой пьяной болтовни и все дела.

Жанна молчала.

Виктор наигранно негодуя продолжил:

– Они и мне тоже предлагали на ком-нибудь из них жениться. Типа, такие браки, когда невеста жениху в дочки годится, сейчас на пике популярности.

– Ну и женился бы! – равнодушно произнесла Жанна, на что Виктор усмехнулся:

– На фиг я им со своей съемной квартирой никому не нужен. Им же всем сейчас богатых подавай! Чтобы машина дорогая была и квартира. Они же спят и видят себе такого жениха, как Кришна. А что им я? Так, нанятая прислуга, персональный водитель с функцией охранника. Завтра уволюсь, так они даже и не заметят.

Виктор минутку помолчал, потом вроде как в шутку усмехнулся:

– Вот, Жанна Вячеславовна, почему так, а? Одним все, а другим ничего? Я всю свою жизнь вкалывал, как сивый мерин, а такой квартиры, как у Кришны, у меня никогда не будет.

«Просто, наверное, не с твоими мозгами о богатстве мечтать!» – мысленно зло возразила ему Жанна.

– Просто на свете есть люди, к которым все силы благоволят. И есть все остальные, – зло усмехнулся он. – Одни люди, что называется, избранные, а другие – все остальные, смертные и простые. Причем последних не в пример больше. Знал я одного человека, которому вечно и жутко везло в различного рода лотереи. Я его как-то раз спросил: «В чем твой секрет?». А он мне говорит: «Не знаю! Везет, и все! Сам не понимаю!». Вот лично мне никогда и ни в чем не везло...

– А что Мара? Нравится ей Кришна? Говорила она что-нибудь по этому поводу? – перебив его, поинтересовалась Жанна, прекрасно понимая, что драконит себя сейчас совершенно напрасно.

– Да вы, Жанна Вячеславовна, в самом деле зря волнуетесь! Это же все в шутку было!

– Что они еще говорили по этому поводу? – хмуро потребовала ответа Жанна.

Виктор от напряжения слегка дернулся. Весь этот разговор, судя по всему, его уже в достаточной мере разнервировал.

– Подвыпившие они все были, вот и болтали всякую ерунду.

От непонятно откуда навалившейся новой волной злости Жанна тихонько скрежетнула зубами:

– Я же не спрашиваю, подвыпившие они были или нет! Я задала совершенно конкретный вопрос!

– Сказать вам по чесноку? – произнес Виктор. – Не получится у вас ничего с ним.

– Это еще почему? – тупо возмутилась на него Жанна.

– Я говорю не про бизнес, а про ваши личные отношения.

– Да я поняла уже! Только откуда такие измышления?

– Вы к нему определенно симпатию питаете. А только это совсем не тот человек, с которым вам по жизни рядом быть следует. Это игра в одни ворота. А знаете почему?

– Почему? – спросила Жанна.

– Женщина должна дополнять мужа до единого целого. Вот меня, к примеру, вы дополняете, а Кришну никогда дополнить не сможете.

– До какого еще единого целого? – вроде как снова возмутилась Жанна и тут же рассмеялась: – Еще скажи, что ты в свободное от работы время гороскопы составляешь.

– Зря смеетесь! Гороскопы я не составляю. На самом деле, это сложно объяснить, но своя какая-то правда в этом имеется. Есть на свете такие вещи, которые линейкой измерить невозможно, а только прочувствовать можно. Вот почему так происходит, к примеру, что совершенно разные по духу и интересам люди сходятся и потом никогда уже не разлучаются? А другие, при всех прочих обстоятельствах, казалось бы, так и не становятся близкими. Как это вообще можно логически просчитать? Никак!

– Бред! – недовольно буркнула Жанна.

Виктор на это нисколько не обиделся, помолчал, но, заговорив снова, решил перевести беседу на другое:

– А вы, кстати, знали, что у Жеки дочка есть?

– Впервые слышу, – хмуро ответила Жанна. – Он вообще никогда про это не рассказывал.

– Ну так и я про то же! Дочка красавица, школу заканчивает, вокалом занимается. Мы с Жекой сегодня в аэропорт ездили ее встречать.

– Встретили? – спросила Жанна.

– Встретили! – отозвался Виктор.

Больше, вроде бы, разговаривать было вообще не о чем. Какое-то время оба молчали.

В раздумьях о том, по какому все-таки поводу был пропущенный звонок, Жанна достала из сумки айфон и уставилась на экран. В ее достаточно хмельной уже голове вдруг возникли какие-то непонятные мысли сожаления о чем-то произошедшем сегодня.

«Наверное, все-таки надо было ответить?! А то как-то некрасиво все вышло! Ох уж эти эмоции! Иногда под их властью делаются такие вещи, о которых потом долго еще жалеть приходится».

Некоторое время Жанна пребывала в нерешительности, после чего, наконец, коснулась пальцем экрана, ввела пароль, набрала пропущенный вызов и поднесла трубку к уху.

– Викентию, что ли, звонить собираетесь? – краем глаза наблюдая за ее действиями, насторожился Виктор и зашептал, боясь, что соединение произойдет в самый неподходящий момент: – Он сейчас деньги у вас кланчить начнет. Они с Нечаевым квасят с самого утра.

– У него же были деньги! – возмутилась Жанна. – Он же за помощь с организацией выступления на концерте в «Хроносе» приличную сумму получил!

– На какие-то свои новые раритеты потратил! – отозвался Виктор и криво усмехнулся: – Коллекционер!

Услышав это, Жанна сразу же отключилась, бросила трубку в сумку и переспросила:

– Значит, квасят?!

– Ну, неправильно выразился, извините. Другими словами, интеллигентно отдыхают!

– Думала, что-то серьезное, – нехотя пояснила она.

– Странные они! – с кривой усмешкой произнес Виктор.

– В чем, по-твоему, их странность? – поинтересовалась Жанна.

– Во-первых, всегда вместе. Во-вторых, оба неженатые, – как-то уж особо многозначительно ухмыльнулся Виктор.

– Ты тоже не женат! – парировала Жанна.

– Но я хотя бы думаю об этом. Другой вопрос, что у меня возможности нет семью завести, в отличие от них, – был ей ответ.

– Они всю свою жизнь творчеству посвятили. И, между прочим, в отличие от тебя, в этом деле преуспели и кое-чего добились. Их песни в свое время пела вся страна. Некогда им было семьи-то заводить!

– Да просто на нашей эстраде все такие, как они, – снова хмыкнул он. – И если ты не такой, как они, тогда и ни за что тебе на эстраду не пробиться! Хотя, по большому счету, мне нет до них совершенно никакого дела! Как, впрочем, и до всей этой эстрады, – отозвался Виктор. – Со своими бы проблемами разобраться.

– Просто ты по-настоящему странных людей не видел! – немного сожалея, что обидела его, произнесла Жанна. – Уж поверь мне, бывают такие люди странные, что даже объяснить это каким-либо образом трудно. Разговаривают сами с собой, при этом несут какой-то жуткий бред...

Жанна сделала еще один глоток виски и, окончательно захмелев, добродушно вернулась к недавнему разговору:

– Значит, говоришь, Кришну я не дотягиваю до единого целого?

– Да я бы сказал, что перетягиваете, – ответил ей Виктор. – С вами он не единое целое, а что-то много больше этого, что вовсе даже не есть хорошо. Кришна сам по себе очень сильный, да тут еще и вы со своей силой. Вот и получается одна только дисгармония. И это сплошной стресс, провокация и нервы. А нужно, чтобы космос был, гармония, астрал!

– Если не он, то кто тогда? – пьяно усмехнулась Жанна. – Может быть, ты?!

– Почему бы нет?! – простовато ответил Виктор.

– Ах-ха-ха-ха, – тут же разразилась громким пьяным смехом Жанна. – Только теперь я все, то что ты мне сказал, поняла!

В общем, наверное, все-таки вести себя ей так не следовало. Жанна хохотала от души и в этот момент ни капли не думала и не переживала, что могла как-то в очередной раз обидеть Виктора или задеть, хотя он, конечно же, вида не подал и самообладания не потерял.

Жанна хотела было сказать что-то еще, но из-за смеха просто не смогла ничего произнести.

Когда приступ смеха прошел, она промокнула глаза тыльной стороной ладони, после чего, глядя в зеркало опущенного козырька, произнесла:

– Ладно, прости. Я, конечно, глупость всякую несу и веду себя совершенно неподобающе... Просто устала очень. И вдобавок еще и сильно наклюкалась. Прости! – повторила она. – Я не хотела тебя обидеть. Как-то само собой все на нерве так получилось.

Темное небо так низко нависло над Москвой, что казалось, придавило древний город. Жанна к алкоголю больше не прикасалась, но, не смотря даже на это, в голове у нее минута за минутой становилось только хмельнее и хмельнее, отчего постепенно дикая веселость смешивалась на усталую какую-то муторную тоску и даже по щеке прокатилась слеза.

– Ничего-то ты не понимаешь! Ничего! Вот даже удивительно! Вроде говорим мы с тобой на одном языке, одними и теми же словами и обо одном и том же, а только совершенно по-разному. А ты еще говоришь, что будешь со мной единое целое или что-то очень близкое к тому.

Виктор на эти слова ничего не ответил, промолчал.

От слез ресницы ее тут же склеились. По идее, надо было бы снять с ресниц тушь, стереть макияж, но Жанне в данный момент это все было по барабану.

– Откуда ты знаешь, какая я?! – все так же глядя в окно, тихо спросила она Виктора. – А может, на самом деле я совсем другая: слабая и плаксивая?! Нельзя же о человеке судить только по его внешнему виду и поступкам. Откуда ты знаешь, какая я, к примеру, у себя дома, без этих модных тряпок и боевого раскраша?!

Жанна смотрела на мчащиеся в вечернем потоке машины с радостными, счастливыми, несчастными, одинокими и не очень людьми. Их лица в подсвеченных огнями стеклах автомобилей расплывались точно так же, как и расплывались и плясали в затуманенных слезами глазах красные, белые и оранжевые автомобильные огни.

Глядя на эти огни, Жанна вспомнила, как некоторое время назад сегодня в сладком ожидании мечтала о поцелуе, которого так и не произошло.

«Вот что ему, жалко, что ли, было? – с обидой подумала она. – Это же такая, в сущности, малость, подарить другому немного своего тепла!»

– Значит, его я перетягиваю, а тебя очень даже дополняю? – вдруг неожиданно обернулась она к Виктору и спросила: – И с тобой мы как раз и есть единое целое и самый настоящий космос и астрал?!

От неожиданности он ничего не ответил.

Подавшись немного вперед, Жанна сняла пальто и кинула его на заднее сиденье, оставшись при этом в высохшей уже к этому времени на ее теле блузке. Она кинула мешавшую ей сумку под ноги, после чего уверенно положила ладонь на колено Виктора.

Мышцы его под ее ладонью тут же отозвались мелкой судорогой.

– Ну, может и не единое целое, но все равно очень близко к этому, – хриплым голосом произнес он.

– Какой же ты глупый! – усмехнулась она и, все еще держа руку на его колене, придвинулась чуточку ближе.

Виктор против ее бесцеремонности нисколько не возражал, в терпеливом и преданном молчании смотрел на Жанну и ждал продолжения.

– Следи за дорогой, – скомандовала она ему и заскользила рукой по его брюкам.

Совершая все это, свободной рукой она поднесла к губам горлышко и сделала еще один, последний плоток виски, после чего кинула пустую бутылку вслед за пальто на заднее сиденье и, понимая, что уже просто невероятно пьяна, стащила с волос резинку, освободив и растрепав их. Она придвинулась к Виктору еще ближе и потянула на себя ремень его брюк.

От того, что она в данный момент творила, ей было жутко весело. Она понимала, что это все совсем не так, как с Кришной. На самом деле, никакого космоса и астрала не будет! Это было что-то вроде забавного приключения, игры, которую она могла в любой момент по любой своей неожиданной прихоти приостановить или вообще прекратить. С Кришной же остановиться было практически невозможно, просто нереально было это сделать. Все, что было сегодня с ним, было сродни бешеному, сметающему все на своем пути, мощному и дикому потоку.

Космос и астрал был, видимо, только для одного Виктора. От наглых манипуляций Жанны он почти сразу же потерял над собой контроль и даже удивительно было, как это они все еще продолжали двигаться в достаточно плотном потоке машин и ни в кого до сих пор не врезались.

Потом, сначала в лифте с зеркальными стенами, а после и в темном, без света, офисе продюсерского центра было почти все то же самое, что и в шикарных апартаментах Кришны. Только разве что вместо букета лилий в стеклянной вазе на столе Жанны была стопка разного рода документов, которые от раскрытого настежь окна тут же разлетелись по кабинету от первого же порыва сквозняка.

В офисе Виктор взял инициативу на себя, в личном кабинете Жанны сразу же поспешил избавиться от одежды, явив в темноте в полной мере спортивное и крепкое, будто свитое из переплетенных корней тело. Пару секунд он, видимо, в качестве разминки, играл мускулами, после чего мгновенно перешел к делу. Его, всегда такого спокойного и рассудительного, будто взорвало изнутри. Он был необыкновенно точен и силен в своих движениях.

– Жанна! – будто смакуя ее имя, негромко произнес в какой-то момент он, причем произнес как-то странно, отстраненно, что ли, будто ее в этот момент с ним вовсе и не было.

Лежа на неудобном офисном столе, Жанна трогала кубики его пресса и грудь, вдыхала его ставший от жара тела еще более ярким, простой какой-то, шипровый аромат одеколона и едва сдерживала себя от того, чтобы снова не засмеяться. Нет. Ничего смешного во всем происходящем, конечно же, не было, наоборот, Жанне было даже немного, где-то в глубине души, страшновато от близкого общения с этим вполне спортивным, как оказалось, но все равно таким чужим и по возрасту, и по настроению человеком.

Просто алкоголь сегодня сделал все поступки Жанны совершенно непредсказуемыми.

Впрочем, именно теперь Жанна поняла, что Виктор не настолько уж и стар, как ей казалось ранее. Наверное, ему было не более сорока пяти, и в своем зрелом возрасте он был определенно очень хорош: широк в плечах и узок в талии без какого-либо даже намека на дряблое пузо, и еще не по возрасту гибок, силен и напорист. И все же Виктор был совсем не таким, как Кришна, и даже его спортивное сильное тело Жанну сейчас нисколько не трогало и ни капли не впечатляло. Никакого спокойствия и душевного равновесия рядом с ним она не ощущала, хотя и чуть ли не сразу же получила все то, что хотела. Сладкое блаженство очень быстро разлилось по ее телу, и, наверное, это было просто делом техники. Вот если бы Кришна подарил ей все это?!

– Что? – не разгадав ее пьяную улыбку или что-то интуитивно почувствовав, в какой-то момент хрипло и настороженно спросил Виктор, продолжая при этом свои движения.

– Ничего, – все так же хмельно улыбаясь, ответила ему Жанна и, понимая, что ни капли не удовлетворяет и не успокаивает его этим ответом, продолжила: – Ты хороший! С тобой хорошо!

Конечно же, она лгала! По идее, Жанне Виктор сегодня был совершенно не нужен. Или, правильнее будет сказать, на его месте сегодня мог бы быть кто угодно, любой более-менее смазливый парень из клуба или даже официант из ресторана.

Впрочем, хмельная веселость ее быстро прошла и сменилась новым приступом ноющего тоскливого одиночества.

«Сейчас и это все закончится. И что дальше?» – подумала она.

Жанна представила, как, добравшись до дома, поднимается в лифте на свой этаж, подходит к квартире, роется в сумке в поисках ключа, наконец-то находит его, отпирает квартиру, снимает с сигнализации и в полутемном коридоре застывает столбняком, не зная, куда дальше следует идти и что вообще делать.

В какой-то момент Виктор, не переставая двигаться и не сводя с Жанны пристального взгляда, приблизился и попытался коснуться губами ее губ, но Жанна не соизволила ответить на это взаимностью и даже непонятно с чего очень громко и зло рассмеялась.

Она вдруг всерьез решила, что в этот самый момент стала Кришной, и ей теперь, точно так же, как и совсем недавно ему, плевать с высокой колокольни на чужие переживания и эмоции.

Она даже всерьез подумала, что тем самым отомстила Кришне за его нелюбовь.

Виктор же, не переставая двигаться, досады никак и не проявил, только отпрянул немного назад, в темноту. Жанна все еще чувствовала силу и жар его тела, но лицо его в должной мере разглядеть уже не могла, как не могла теперь и догадаться, что было у него на душе после этой дикой выходки. Да и, по правде сказать, не сильно-то этого и хотела.

Виктор продолжал движения, а отсмеявшаяся уже к этому моменту Жанна, глядя в темное, раскрытое, с колыхающимися на ветру жалюзи окно, сменила глупую улыбку на гримасу отчаяния и только силой удержалась от того, чтобы не завывать от душевной тоски, одиночества и боли. Взгляд ее устремился туда, где на последнем этаже самого пафосного в столице здания в ее туманном придуманном мираже все еще стоял с чашкой черного кофе безумно прекрасный в своей наготе и такой бесконечно далекий среди всего этого технологического бреда и человеческого хаоса Кришна.

Напрочь забыв про Виктора, Жанна закрыла глаза и в своем зыбком тумане большой белой птицей выпорхнула в окно, взмыла в небо и полетела над притихшей ночной Москвой, над темной лентой реки к нему, к Кришне. Она что-то пронзительно кричала на своем птичьем языке в темной вышине и с каждым новым взмахом крыльев все ближе и ближе приближалась к знакомому высотному, отражающемуся в реке зданию с панорамным окном.

– Кришна! – изо всех сил радостно кричала она застывшей в темном окне, подсвеченной уличными огнями, знакомой и такой бесконечно красивой нагой фигуре.

– Что? – не переставая двигаться, тяжело дыша, хрипло спросил Виктор. – Что ты сказала? Я не понял! Повтори!

Жанна не обратила на его слова никакого внимания. Она летела к Кришне и видела, как его фигура за стеклом становилась все ближе и ближе. Сердце Жанны билось от счастья все сильнее. И вдруг, оказавшись уже совсем близко, Жанна поняла, догадалась, что Кришна за оконным стеклом ее не слышит, он даже не смотрит в ее сторону. Испугавшись, что он попросту не узнает ее в облике птицы и сейчас вот-вот отойдет от окна, Жанна хотела было закричать снова, на этот раз не в пример сильнее, но от ужаса вдруг встрепенулась, разглядев за его плечом темный силуэт другого человека, женщины. Кто это был, она даже и не поняла сразу, решила, что просто видит со стороны себя, но, приглядевшись, безумно удивилась:

– Мара?

– Что ты сказала? Повтори! – не переставая двигаться, почти что прохрипел Виктор. – Что ты сказала?

– Мара! Мара! Мара! – исполнившись отчаяния и нисколько уже не боясь напугать своим диким криком Виктора, завизжала Жанна и от охватившего ее отчаяния закрыла лицо руками.

* * *

После ухода Жанны Кришна оставался у окна совсем недолго, быстро допил кофе, принял душ, замотался в белый пушистый халат и прислушался к незнакомой пока еще в новом жилище сумрачной тишине. Света в апартаментах не было – только узкая полоска лежала на полу у ванной да сверкала в зеркальной стене прихожей.

– Явился?! – по слабо ноющей, хотя и не доставляющей каких-то особенных неудобств, боли в висках догадался он.

И голос его в поздних сумерках прозвучал немного мрачно и глухо.

– А как же?! Явился! Да я, по большому счету, и не уходил никуда. Всегда рядом! Просто днем меня зачастую не видно. Не люблю, знаешь ли, солнечный свет. Да и не любил особо никогда.

Тень в кресле в дальнем углу сгустилась, подалась вперед, и возникший вдруг из ниоткуда перед Кришной бес лукаво улыбнулся, после чего приветливо скривил левый глаз.

К этому времени городские улицы за окном уже в полной мере зажглись движущейся лавой красных и белых огней. Подсвеченные этим светом снизу, тут же вспыхнули золотом подвешенные будто бы на ниточках в темноте луковицы храмов.

– Все из головы она у меня не идет. Что думаешь о ней? – спросил Кришна, падая в соседнее кресло.

– О Жанне?

– О Жанне!

Бес усмехнулся.

– Элементарно, Ватсон! – и принялся загибать пальцы на левой руке. – Исполнительна, амбициозна, трудолюбива, инициативна. Еще немного капризна и плаксива, как все бабы. Еще имеет на тебя кое-какие виды... Да ты и сам, без меня, все прекрасно знаешь.

Оскалив ровные белые зубы, Кришна коротко рассмеялся:

– Не интересно! Да я ей не обещал ничего такого. Статус отношений: начальник и подчиненный.

– Вот, ты сам и ответил на свой вопрос, – оскалился бес.

– Действительно! Что это я?! – тут же согласился с ним Кришна. – Выбросить из головы и забыть навсегда, будто и не было ничего.

Время в поздних сумерках, казалось, остановилось.

– Когда же, черт рогатый, ты меня избавишь, наконец, от своего присутствия?

Бес на это со сладкой улыбочкой только пожал плечами.

– Скажи, я один такой на свете? – немного помолчав, спросил Кришна.

– В смысле? – наигранно удивился бес.

– Ну, в смысле одержимый?

– На этом свете каждый чем-нибудь да одержим, – был ему ответ. – Кто-то мужчинами, кто-то женщинами, кто-то сочинительством дурных романов. Еще есть люди, одержимые кто властью, а кто деньгами, еще бывают одержимые бредовыми идеями...

– Я спросил про одержимость чертями, бесами и демонами?! Хотя о чем это я? – тут же усмехнулся он. – Кого это я обманываю? Разговариваю с придуманным субъектом. Или, правильнее будет сказать, веду беседы сам с собой, сам себе задаю вопросы и сам же на них отвечаю, – после чего усмехнулся: – Псих-одиночка, одно слово!

– В смысле? – снова наигранно уставился на него бес.

– В прямом, – буркнул Кришна. – Одного только понять не могу, зачем мне это все? Что-то типа самовнушения или психотерапии?

Бес помолчал, потом засмеялся:

– С тобой прикольно!

– Надеюсь, это не какая-нибудь там начальная стадия шизии? – с некоторой долей иронии произнес Кришна и тут же продолжил: – Нет, ну, ты, конечно, хороший советчик, и советы твои зачастую бывают ценными и правильными, что я в полной мере ценю. Но при этом, твое участие в моей судьбе расцениваю только как дружеское участие, а итоговые решения всегда принимаю исключительно сам. Да и не зову я тебя никогда, ты сам всегда приходишь.

– Что правда, то правда! – радостно скалясь, согласился с ним бес.

– Весело тебе? – спросил его Кришна.

– Ага, – был ему ответ.

– А хочешь, будет еще веселее? – Кришна зло ухмыльнулся: – Завтра с утра запишусь на прием к какому-нибудь хорошему психиатру и все ему расскажу про тебя, вот и посмеемся тогда вместе.

Бес на это ничего не ответил, раздумывая о чем-то, промолчал.

– А может и нет, – снова нехорошо ухмыльнулся Кришна и схватился за голову так, будто она у него раскалывалась пополам: – Блин! Почему все это меня никак не отпускает? Зачем это мне? Что это вообще за фигня?

Он на какое-то время замер, после чего встал и медленно подошел к окну.

Кришна долго смотрел на застывшие под тяжелым темным небом в пятничных пробках улицы, после чего произнес:

– Снег будет. Ладно! Я спать.

– Всего хорошего! – весьма ласково отозвался на его слова бес и послушно задвинулся вглубь кресла.

* * *

Все вроде бы сегодня складывалось именно так, как и задумал вчера Гарик. Даже этот снег был как нельзя кстати. И как раз именно сегодня камера с дроном оказалась никем не задействована, что вообще в последнее время было очень большой редкостью, ведь именно на субботу и воскресенье чаще всего приходились все съемки свадеб, юбилеев и даже просто частных фотопрогулок и видеосессий. Вот просто все одно к одному! Гарик даже подумал, что его собственный ангел-хранитель благоволит и активно помогает ему сегодня. Он даже всерьез надумал при первом же удобном случае сходить в церковь и поставить своему небесному заступнику за старания и помощь свечку, а сегодня при первой же возможности постучать по дереву, чтобы ничего не сглазить.

Гарик остановил свою тейотку у подъезда, вылез из машины, одернул задрвшуюся на пузе под курткой футболку и подтянул штаны, после чего открыл багажник и, пыхтя от напряжения, стал выгружать аппаратуру.

– Все сделаем в самом лучшем виде! – сказал он приехавшей с ним и теперь наблюдавшей за его действиями спутнице. – Я давно это место знаю. Там классно! Весь город как на ладони. Снимки будут просто супер! Мы на этой крыше как-то раз фотосессию молодоженам устраивали, такие фотки сделали! Они были в восторге. Придерживай платье, а то запачкаешь грязью. Вон какое месиво от этого снега на улице образовалось.

Его спутница тут же послушно подобрала полы торчавшего из-под куртки длинного, в пол, модного платья так, что стали видны ее ноги, обутые в синие угги на искусственном меху со стразами.

– Утеплиться! Зима же! – пошутила она насчет своих углов.

– Вон тот подъезд! – показал ей рукой Гарик, и девушка послушно потопала в указанном направлении.

– Замерзла, что ли? – заметив дрожь, спросил Гарик ее в подъезде, после чего нажал кнопку вызова лифта.

– Есть маленько, – кутаясь в куртку, отозвалась она и спросила: – Ты хотел со мной еще какой-то вопрос обсудить.

Гарик никогда не любил лифты и всегда мысленно сравнивал их с напольными весами. Именно из-за своего несколько избыточного веса он каждый раз более чем кто-либо другой прислушивался в процессе движения ко всем толчкам и тряскам кабин лифтов.

– Ну, когда по телефону общались, ты еще сказал, что хочешь поговорить об этом со мной при личной встрече. О чем ты хотел поговорить?

– А! Ты об этом! – врубился наконец Гарик и от напряжения залился краской. – Просто я вчера послушал песни на твоей странице.

– И что? Понравились? – расплылась в улыбке девушка.

– Ну, в общем интересно, только петь чужие песни, мягко говоря, не круто! – произнес Гарик.

– Я же для себя, не на продажу! – ответила девушка. – А минусы эти я в интернете, в свободном доступе взяла. Да и не убудет ни от Слободы, ни от Днюши, если я их песни немного попою.

– Да я не об этом, – отозвался Гарик. – Просто я тоже немного сочинительством песен балуюсь, – и, прищурившись, внимательно посмотрел на нее. – Могли бы попробовать записать что-нибудь совместно. В том плане, что я бы выступил как автор песни, а ты как исполнительница, певица. Или вообще могли бы группу создать.

– Ну, можно попробовать, – после небольшой паузы ответила она.

– Я пришлю тебе на почту пару демок! – пообещал Гарик. – Прямо сегодня же вечером пришлю. – И оживленно затараторил: – Тут все очень просто! Запишем несколько песен, на одну, самую клевою, снимем и смонтируем клип, выложим его в интернет, по-быстрому наберем кучу просмотров и лайков, сейчас за деньги в интернете еще и не такие дела делаются! Кто знает, может проект в самом деле стрелхнет, песня попадет в ротацию на радио и все!

– Что – все? – округлила она глаза.

– Сразу же двигаемся на гастроли. Я не про дворцы спорта, конечно же, речь веду, а о клубах разных, ресторанах. И не в Москве, конечно же, для начала, а где-нибудь в области. Там одно только название на афишах: «Новая модная московская певица Кристина Осипова» уже само по себе сразу же всю кассу сделает.

– Звучит так, будто речь идет про шансон, – сказала Кристина.

– А ничего плохого в шансоне нет, – парировал Гарик. – На современной эстраде это сейчас что-то вроде стартапа. Очень многие современные звезды начинали именно с шансона.

– Модная московская певица? – все так же скептически прищурилась Кристина.

– А что, нет, что ли? – ответил Гарик и хохотнул: – Оденешься модно, вот и будешь модной! Живешь в Москве?! Значит, московская. И пусть потом кто-то скажет, что это не так!

Он продолжил:

– Не забывай, скоро Новый год, самый денежный час. В это время людям хоть мартышку говорящую, хоть медведя на велосипеде показывай – они рады будут просто до безумия. Надо успевать! Мои песни, плюс твой голос и харизма, плюс еще небольшая раскрутка – и все будет просто супер!

Девушка недоверчиво промолчала, только красивым жестом откинула с плеч назад вытравленные аж до какой-то голубоватой белизны волосы.

– Ты же слушаешь радио, смотришь музыкальные телеканалы? – продолжил Гарик. – Видишь же, что там передают одну тупую фуфляндию! Народ эти песни уже просто слышать не хочет, а их все равно крутят и крутят. Люди ждут нормальных песен и нормальных артистов, а им все какой-то сплошной отсев и отстой подсовывают.

Девушка с интересом слушала.

– Откуда ты знаешь, что хотят слушать люди? – с улыбкой усмехнулась она.

– Так я же вижу! – сказал Гарик. – Каждые выходные то свадьбу, то юбилей какой-нибудь проводим. И знаешь, что люди каждый раз на «потанцевать» заказывают?

– Что? – девушка уставилась на него широко распахнутыми мальвинными глазами.

– «И снова сверкает ночь»! Понимаешь?! До сих пор заказывают эту самую «И снова сверкает ночь» в исполнении Юрия Шалунова! Все эти современные топовые артисты из ящика постоянно ищут какие-то новые формы, новое звучание, экспериментируют с аранжировками, с голосом, с живыми инструментами, музыкантов-виртуозов разных для записи приглашают, а людям хочется старое и доброе советское магнитофонное диско, – он весело подмигнул ей. – Вот мы с тобой и дадим им то, что они хотят! Новый попсовый проект в самых лучших танцевальных традициях.

Девушка мило улыбнулась ему в ответ и с некоторым недоверием почесала свой напудренный носик.

– Чтобы стать известными, надо много денег в раскрутку. Сейчас без бабла ничего не сделаешь! – и спросила: – Есть у тебя много денег?

– Деньги найдем, не проблема! – пообещал ей Гарик и тут же нахмурился: – Хотя, на самом деле, скажу тебе откровенно, деньги не самое главное! Сейчас, как и во все времена, самое главное – это клевая идея! Будет идея, будет и интерес публики. Да ты посмотри только: иной раз артисты на раскрутку песни или клипа такие бабосы тратят, что просто ужас, а на выходе имеют полный ноль зрительского восторга. А иной раз песня будто бы по волшебству вдруг – раз, и становится известной на весь мир, звучит чуть ли не из каждого электрочайника, причем без всякого бабла и раскрутки. Сейчас время такое! Вроде и бабло у народа есть, а настоящему клевых идей не хватает.

– И у тебя эти идеи есть? – поинтересовалась фифа.

– Уж поверь мне на слово, я знаю, что нужно людям, и мы с тобой всенепременно сделаем просто мегакрутой новый попсовый проект!

В самом деле, у Гарика среди прочих придуманных им композиций была парочка треков, на которые он возлагал особые надежды. Он в самом деле неоднократно проводил разного рода дни рождения и свадьбы и всегда очень чутко реагировал, прислушивался к реакции зрителей на тот или иной трек, пытаясь с первых аккордов догадаться, будет народ под него двигаться и танцевать или нет. Была какая-то странная магия в том, что совершенно простые вроде бы песни всегда нравились людям много больше, чем какие-то крутые звучащие на радио хиты. И проникновенный голос исполнителя тоже имел особое значение, поскольку именно спетые просто и душевно песни чаще всего и заводили публику, что называется, с пол-оборота, в отличие от каких-то там сопрано или теноровых вокальных композиций.

И главная проблема в записи придуманных им песен для Гарика заключалась именно в поиске адекватной исполнительницы. Имелся у Гарика по этому поводу некий печальный опыт. Одна из первых его претенденток на роль новой супер-попсовой певицы, помнится, послушав женскую песенку о любви в исполнении Гарика с его хриплым голосом под аккомпанемент гитары, совершенно ничего не поняла, покрутила пальцем у виска, обозвала Гарика извращенцем и, хлопнув дверью, растворилась в людской суете. И так громко хлопнула, что даже не было совершенно никакого смысла бежать следом за этой дурой и объяснять ей, что слова придуманного Гариком припева: «С тобой было клево, Вова. Вова из Ростова», конечно же, в окончательном варианте должны звучать не в его, гариковском, а именно только в жен-

ском исполнении! Нет, были у Гарика, конечно, и другие, более лиричные и красивые песни для хорошего, высокого и красивого голоса, но эта ему показалась для начала и старта более клевой, что ли.

И если уж эта дама сразу, что называется, не въехала в тему и ничего не поняла, то какой тогда смысл был разъяснять ей что-то, разжевывать и тратить на это время? А ведь тоже о славе и популярности мечтала, хотя и сразу же с порога заявила, что обучалась джазовому вокалу и поет исключительно в джазовой манере. Гарик хотел было ей тогда объяснить, что с джазовым вокалом в нашей стране известной попсовой певичкой вряд ли станешь, и, к примеру, та же самая Лариса Волина когда-то в восьмидесятых на большую сцену пробивалась именно с попой, а уже потом, когда стала мегаизвестной, вернулась к исполнению исключительно джаза, но и тут даже народ все еще шел на ее концерты и ждал старых добрых поповых песен, а она им упрямо джаз херачила. И только сейчас, когда народ на ее концерты стал ходить меньше, снова попу запела, отложив джаз, видимо, до лучших времен.

В итоге ни до каких объяснений не дошло – дверь за претенденткой захлопнулась с оглушительной силой. «И к лучшему!» – решил тогда Гарик. Совсем не вариант, что в итоге из всего этого вышло бы что-то путное.

Другая претендентка на роль новой поп-дивы в смысл исполненной на гитаре Гариком песни въехала и даже сказала, что песня ей нравится, только при этом выглядела не особо уж авантно. Ну, не красавица она, короче, была, кудрявая такая брюнетка с черными глазами и горбатым еврейским носом, хоть и пела просто распрекрасно. А только все-таки красота на эстраде тоже очень даже важна! Ну, про какую, спрашивается, любовь может петь исполнительница с таким носом? Ну, вот при всем уважении... Только если уж совсем про безнадежную какую-нибудь?! И, может быть, даже зрители поверят в эту самую ее безнадежную любовь, только сами они в эту певицу вряд ли влюбятся с первого взгляда. Впрочем, все относительно, конечно, и звезды на небосклоне вполне могли сойтись положительно в этом вопросе, только Гарик угадать на кофейной гуще не хотелось, а хотелось, чтобы все было с первого же раза, что называется, супер и в точку.

Вообще, как-то не везло Гарик у с претендентками на роль новой супер-пупер поп-звезды. Вроде бы Москва и город-то немаленький, а то, что нужно, да еще за состоящий только лишь из обещаний будущей бешеной популярности бюджет, сыскать было практически невозможно. Искал Гарик вокалистку для своих песен и в социальных сетях, и в клубах, и даже в переходах метро. Чуть ли даже не кастинг объявлял! Да все не то! Никто особо на его призыв стать новой звездой эстрады не спешил. Ведь не Виктор же Бобыш он был, в конце концов, чтобы к нему километровая очередь из девушек выстраивалась!

Гарик криво усмехнулся.

Была у него, помнится, еще одна кандидатка, немного возрастная педагогиня колледжа культуры. Какие-то знакомые посоветовали ее Гарик у, ссылаясь на то, что поет она просто божественно и расчудесно, имеет три с половиной октавы, в связи с чем очень даже премного известна в своих кругах и даже вроде бы как выступает на каких-то званных вечерах в филармонии. Видимо, от безысходности в тот момент у Гарика возникла идея записать с этой профессиональной вокалисткой песню и по примеру некогда популярной группы «Кураж» замутить проект сдвигающимися на сцене под готовую фанеру красотками. И Гарик, конечно же, пожелал услышать божественный голос педагогини, но был жутко разочарован, когда она, явившись на встречу, чисто для примера, под аккомпанемент пианино, жутким академическим вокалом завелась петь известную в народе песню про черного кота, одному которому только и не везет.

В общем, это был жуткий треш!

И дело тут было не в том, что Гарик никогда не любил консерватории и филармонии. Это даже для филармонии звучало просто отвратительно. И вообще, зачем, спрашивается, драть голос, если в современной эстрадной песне нужен доверительный рассказ о жизни или

о любви? К чему, к примеру, все эти три с половиной октавы, если в песне про кота нужна только лишь небольшая ирония в голосе?

Была у Гарика, конечно, в свое время идея предложить Маре Закировой, с которой они пересекались где-то в клубах, записать придуманную им песню, только она уже к этому времени была задействована в каком-то новом проекте, в связи с чем даже пытаться подкатывать к ней с этим предложением было уже бессмысленно. А пела Мара просто расчудесно! Голос у нее был бархатистый, с модной хрипотцой и каким-то внутренним душевным изломом, который слушал бы и слушал просто до бесконечности. Только вот Мара была, что называется, с гонором. И не без амбиций. В общем, характерец у нее был тот еще!

В какой-то мере, Гарик понимал, что найти такую певицу, которая подходила бы ему по всем параметрам: по характеру, по внешности и по голосу, было в чем-то сродни неосуществимой мечте, сказке, которой нет места в нашей реальной жизни.

«Просто на руках бы ее носил! Боготворил бы!» – мечтал он о своей придуманной Галатее.

И вот на днях, будто по волшебству, ему в личку с просьбой «пофотографироваться» написала некая Кристина Осипова. Гарик, конечно же, тут же залез на ее страницу в социальной сети и наткнулся на записи популярных песен в исполнении этой Кристины, решив для себя, что это, наверное, как раз то, что надо. И симпатичная была эта девушка, и пела, в общем, достаточно хорошо, проникновенно. В общем, вроде бы повезло! Ведь чем, спрашивается, не вариант?!

– Что стоим? Чего ждем? Лифт-то уже приехал! – толкнула Гарика в бок Кристина, помогая вернуться из раздумий, после чего, подобрав полы платья, первой зашла в лифт.

– Да, конечно, – пробормотал он, последовал за ней, бросил черный, внушительного размера кофр с аппаратурой и не менее маленький, похожий на продолговатый чемодан, футляр с треногой на пол, после чего нажал кнопку последнего этажа.

В общем, в тех песнях из интернета голос Кристины звучал хоть и не громко, но очень даже проникновенно и современно. И поскольку рядом с ней еще не объявился какой-нибудь шустрый продюсер или модный автор, надо было скорее брать ее, что называется, теплыми руками и делать все по давно намеченному Гариком плану.

Вот запишут они с Кристиной в студии придуманную Гариком песню про Вову из Ростова с хорошей, качающей аранжировкой, потом еще одну, и еще (песен у Гарика в запасе было вполне достаточно – самое то, чтобы организовать и сделать вполне нормальную небольшую гастрольную программу), после чего можно будет сразу же Кристине и условия определенные поставить, и контрактом их отдельно закрепить, чтобы в ближайшие несколько запланированных лет она работала только с Гариком и считала его одного своим единственным богом и продюсером, потому что в противном случае – штрафные санкции и полное возмещение произведенных затрат, плюс компенсация причиненного ущерба. А то бывает и так, что запишет певичка пару песен и убежит к другому продюсеру, который и песен-то писать не умеет, а только и знает, как деньги качать с помощью подвернувшегося под руку по счастливому случаю чужого проекта.

– Кстати, можем сегодня попробовать поснимать видео. Будет интересно посмотреть, как ты в кадре смотришься, любит ли тебя камера.

– Ты в этом сомневаешься? – кокетливо поинтересовалась Кристина и поправила декольте.

– На самом деле, на эстраде это тоже очень важно! – сообщил Гарик. – Иной раз в реальной жизни вроде бы и симпатичный человек, а на фото и на видео взгляд вообще никак не приковывает. А другой человек вроде и нескладный какой-то, а на экране просто взгляд от него не отвести.

– Окай! – сложив губки, как у Мэрилин Монро, куртуазно произнесла она. – Поснимаем, попробуем, – и снова поправив декольте, чуть более серьезно сказала: – Как-то странно это все! Можно скажу по честности? – Гарик одобрительно кивнул. – Мне кажется, ты просто крейзи! Причем, в полной мере крейзи!

Гарик добродушно засмеялся:

– Наверное, так и есть! Я крейзи! – и продолжил: – А только ничего стоящего на этом свете без фанатизма не происходит! Без фанатизма не было на этом свете ничего стоящего! Просто поверь мне на слово! У меня есть четкий план, и я обязательно сделаю все, что задумал, причем в самом лучшем виде. С тобой или с другой певицей, но все равно сделаю!

Лифт остановился, двери распахнулись, и Кристина первой вышла на площадку.

– А чего сам себе песни не придумашь, раз такой одержимый? Придумал бы себе хиты, спел бы их, снял бы себе клип, прославился бы и заработал себе кучу денег.

– При том при всем, что я крейзи, я все-таки достаточно разумно и здравомысляще подхожу к оценке своих возможностей. Я не ахти какой певец, – отозвался Гарик и в шутку похлопал себя по пузу: – Да и не с моими внешними данными на сцене выступать. Нет, я мог бы, наверное, кардинально взяться за себя, записаться в тренажерный зал и похудеть, но только на это уйдет масса времени. А я хочу результат, как говорится, «здесь и сейчас». Песни придумывать умею, а вот исполнять их не могу. Нет, могу, конечно, при желании спеть что-нибудь, но это же совсем не то! На сцене нужно уметь себя подать. Магнит какой-то должен быть в человеке, чтобы зритель смотрел и смотрел на него, глаз не сводя. Бывает, вроде бы, ничего в человеке такого интересного нет, а смотришь на него и смотришь. А что я?! Пройду мимо некоторых, так они меня даже и не заметят. Нет во мне магнита, а вот ты – совсем другое дело! В тебе магнит определенно есть! Идем! – указал он направление. – Выход на крышу налево.

Дверь на крышу в самом деле оказалась не закрыта. Гарику определенно сегодня невообразимо везло. Немного запыхавшись от подъема по одному дополнительному лестничному пролету, он толкнул незапертую дверь, ступил на запорошенную белым пушистым снегом плоскость и зажмурился. Несмотря даже на то, что день был пасмурным, белый снег после сумрака подъезда и лифта показался ему просто ослепительным. Вся эта картинка в его голове тут же трансформировалась в видеоформат, и сразу же стало ясно, что нужно снимать и, главное, как снимать.

– Сначала попробуем записать видео, а уже после пофоткаем, – предложил он.

Сгорая от нетерпения, Гарик кинулся распаковывать аппаратуру.

– А ты женат? – следя за его действиями, спросила Кристина.

– Нет, – ответил Гарик.

– И даже девушки нет?

– Знаешь, для меня на самом деле этот вопрос очень серьезен, – сказал Гарик. – Я верю, что когда-нибудь обязательно встречу ту единственную, которую буквально всегда буду носить на руках. Но пока это не произошло.

– Ты точно крейзи! – произнесла Кристина и, выйдя на крышу и кутаясь в куртку от холода, спросила: – А чего это тут горелым воняет?

– Не знаю, наверное, нанесло откуда-нибудь.

– Каким-то бензином, что ли, пахнет? – недовольно принюхиваясь, сказала она. – Будто что-то жгли.

– Стой! – приказал ей Гарик. – Я включу камеру, и ты по моей команде пойдешь по направлению к краю крыши. Я буду снимать со спины тебя и твои следы, после чего, опять же по моей команде, ты обернешься и посмотришь в объектив. Поняла?! Постарайся изобразить в этот момент на лице что-нибудь романтическое.

– Хорошо! Я попробую, – сказала Кристина, снимая куртку и поправляя бретели платья.

– Это будет просто бомба! – под нос себе негромко произнес Гарик и принялся настраивать аппаратуру.

– У меня прическа не рассыпалась? – поинтересовалась Кристина.

Не дожидаясь ответа, она достала из кармана куртки лак с блестками и обильно побрызгала им свои сожженные до синеватой белизны, уложенные в локоны волосы.

– Нормально! Потом подретушируем в программе, если что-то будет не так, – Гарик включил камеру и приготовился снимать. – Готова?

– Я пошла!

– Начинаю снимать!

В колышущемся на слабом ветру длинном платье, прижав голые руки к груди, Кристина медленно шла по снегу по направлению к краю крыши по белой нетронутой плоскости. Было в этом что-то сказочное. Крадущаяся по снегу волшебная принцесса! И даже серый городской пейзаж за краем крыши картинку несколько не портил, а скорее фантастически дополнял.

Картинка на экране монитора в самом деле была суперская. Следуя за Кристиной и обдумывая, какие спецэффекты потом надо будет наложить на это видео и какие фильтры применить, Гарик не сразу расслышал ее слова:

– Ты какой-то тормозной, ей-богу! Я тебе говорю, а ты не слышишь. Что молчишь-то? Мне до самого края идти или как? Я дальше не пойду, там высоко! А я высоты боюсь!

– Просто дойди до края, остановись и обернись, я сниму тебя крупным планом и дам панораму города.

– Я же сказала, что высоты боюсь, – не оборачиваясь, с злой капризностью в голосе произнесла Кристина. – Я замерзла, и к тому же меня сейчас уже просто вырвет от этой вони.

– Сделай, пожалуйста, еще пару шагов к краю крыши, – попросил ее Гарик и чуть было не прыснул со смеха, представив, что Кристину в самом деле тошнит, а он это все снимает. И после этого сразу же другая картинка: видео на ютубе, с блюющей на крыше певичкой, которое стремительно набирает кучу просмотров и лайков. Ведь именно такие видеоролики в последнее время чаще всего и набирают очень быстро массовую популярность!

– Я же сказала тебе, что высоты боюсь, – снова произнесла Кристина и, резко обернувшись, зло уставилась на Гарика. – Я уже замерзла вся. Так-то на улице, знаешь ли, не лето!

Гарик глупо улыбнулся. Он пообещал себе любым способом не сорваться сегодня и не записоваться, но зато потом уже, когда материал будет готов, что называется, взять Кристину за жабры и дать понять, что работать надо так, как того требует продюсер.

– Край крыши в кадре выпирает, – достаточно спокойно сообщил он, глядя в монитор. – Из-за него вся картинка распадается. Сделай, пожалуйста, еще пару шагов в сторону края. Я досниму и сразу же после этого сделаем небольшой отдых.

– Нет, я сказала! Я же сказала тебе, что высоты боюсь. Ты меня что, не слышишь?!

– Всего пару маленьких шагов, – спокойно, но достаточно требовательно продолжил Гарик.

– Нет, я сказала! И все!

– Ладно! Стой на месте, отдохни пару секунд, а я пока запущу дрон и сниму тебя с высоты. И, наверное, в самом деле закончим на сегодня со съемками видео.

– Можно мне отсюда уйти? – все также сердито задала вопрос Кристина.

– Нет! Натопчешь новые следы и испортишь всю картинку. Постой, пожалуйста, на месте! И потерпи пару минут. Я быстро!

Кристина поежилась и, глядя вверх, на опостылевший ей уже летящий с неба снег, обхватила плечи руками.

Чтобы она в самом деле не психанула и не ушла, ссылаясь на то, что простыла от холода или устала, Гарик просто-таки бегом сбегал до сумки с аппаратурой, распаковал, включил и запустил в воздух дрон с подвешенной к нему камерой.

– Все! Смотри вверх и делай вид, что любишь снег, – крикнул он Кристине.

Дрон поднялся в воздух и описал над плоскостью крыши петлю, передавая на монитор в руках Гарика отснятую картинку.

– Супер! Со спецэффектами вообще будет бомба! Так и стой на месте, а я сниму тебя на удалении и приближении.

Размеренно жужжа, дрон под дистанционным управлением Гарика стал подниматься вверх, в белую заснеженную канитель. Фигура Кристины на мониторе стала уменьшаться и теряться за снегом, при этом площадь крыши на картинке разрасталась.

Это было красиво. Снежинки черкали на экране белые полосы, и при наложении впоследствии на картинку музыки вообще могла бы получиться очень даже неплохая работа.

– Что это? – в какой-то момент вдруг вперил глаза в экран Гарик. – Что за черт?! Что это?

Сначала он даже не понял, что это, но что этого здесь не должно быть априори, он догадался сразу. Дрон к тому времени поднялся уже на значительную высоту, на мониторе была видна уже значительная часть крыши.

Гарик с изумлением рассматривал то, что находилось всего лишь в десятке метров от него, с той стороны бетонной коробки выхода на крышу.

В поле зрения дрона на ровно заснеженной, без каких-либо следов, плоскости виднелась неподвижная фигура человека, причем располагалась фигура на плоскости ровной и правильной звездочкой.

– Мать моя женщина! – глядя на эту без каких-либо признаков жизни фигуру, ахнул Гарик.

* * *

Что-то определенно было не так!

Голова после вчерашнего болела, жутко хотелось пить, во рту пересохло.

Жанна проснулась, но глаза открыть не поспешила, лежала, делая вид, что спит, и даже не шевелилась, но при этом внимательно прислушиваясь к звукам в чужом помещении.

То, что она находится не дома, поняла сразу же по незнакомой, простоватой, с немного грубым бельем, жидкой подушке и жесткому, совсем не такому, как у нее дома, матрацу.

Окно в комнате, видимо, было слегка приоткрыто, и от него сквозило влажным, снежным холодом, и, если бы не этот свежий воздух, Жанне было бы не в пример отвратительнее и мучительнее.

В голове что-то переклинило и никак не хотело двигаться дальше, в связи с чем Жанна совершенно не помнила, как попала в эту чужую постель. Впрочем, она и сама не хотела на этот счет как-то напрягать мозги, потому что любая мозговая деятельность сразу же отзывалась мучительной болью. В этой связи самым лучшим средством было просто лежать не двигаясь и вообще ни о чем не думать. Она хотела было даже снова уснуть, но и этого сделать не смогла.

Потом Жанна подумала, что долго так продолжаться не может, и нужно уже открывать глаза и «просыпаться», но поняла, что в комнате есть кто-то еще, и этот кто-то, боясь пошевелиться, терпеливо ждет ее пробуждения.

По идее, надо было бы попросить Виктора принести попить (а это был, наверное, именно он), но видеть его, даже просто встречаться с ним взглядом, Жанне после вчерашнего совсем не хотелось. Все, что произошло вчера сначала в машине, потом в офисе продюсерского центра, было неоправданно глупо и совершенно ни к чему. Теперь Жанна уже в полной мере грубо сожалела, что вчера дала алкоголю возможность потерять контроль над ситуацией. И еще она переживала, что в ее взгляде Виктор сразу же прочтает крайнюю досаду. А если он еще и задаст при этом свой фирменный вопрос: «Что такая злая?», то ее просто порвет от негодования.

«Еще возмнит о себе невесть что!» – подумала она и тут же осознала, что на самом деле ей совершенно не важен этот чужой человек и его тупое мнение, а боится она в первую очередь саму себя и совестится прежде всего собственной негативной оценки своего вчерашнего легкомысленного поведения.

«Блин! Если бы была возможность вернуться во вчера и все исправить!»

Если бы у нее в самом деле была возможность вернуться обратно, во вчерашний вечер, то никакого алкоголя в машине, конечно же, она пить бы не стала и поехала бы не в офис, а к себе домой, да и с Виктором у нее ничего не было бы, потому что все, что произошло, было совершенно неправильно. Никакой радости от вчерашней близости с ним она не получила, из всего происходящего запомнила только какое-то муторное тревожное беспокойство вперемежку с сильным головокружением.

«Что же было дальше?» – все-таки попыталась она вспомнить, как и при каких обстоятельствах покинула продюсерский центр и как в итоге попала в эту чужую постель, но никаких воспоминаний в голове так и не возникло.

От переживаний Жанна чуть было даже не застонала, но в самый последний момент взяла себя в руки и сделала вид, что ей просто приснилось что-то страшное, и даже для полноты картины немного вздрогнула, как обычно вздрагивают во сне, хотя, судя по всему, вышло это как-то ненатурально и неестественно.

* * *

– Твою-то ты мать!

– Мне так и стоять с задранной вверх головой? – отозвалась со своей точки Кристина. – Где уже этот твой сраный дрон? Почему не летит ко мне? Что ты там говоришь? Я не слышу! Говори громче!

– Да подожди ты! – раздраженно крикнул ей Гарик.

Дистанционно управляя дроном, он опустил его немного ниже, и на мониторе стало отчетливо видно, что застывшая на плоскости крыши фигура принадлежит девушке.

Дрон опустился еще ниже, почти к самому ее лицу, и на рябющем изображении экрана Гарик разглядел глубокую рану на шее девушки и багровую лужу за ее спиной.

– Твою-то ты мать! – в очередной раз произнес он, после чего на какое-то время потерял дар речи.

Ко всему прочему, видимо, от напряжения, лицо его покраснело и взмокло.

Когда оцепенение немного прошло, Гарик, все еще держа пульт подвешенного в воздухе дрона и следя за картинкой на экране, наскоро вытер лицо рукавом и медленно двинулся по направлению к тому месту, где находилось тело девушки.

Мысли его, конечно же, путались и наслаивались одна на другую, в связи с чем он тщетно силился понять, как тело девушки вообще могло оказаться на этой, без каких-либо следов, белой заснеженной плоскости, ведь не свалилась же она сюда, в самом деле, волшебным способом огненной звездой с неба. Это потом уже мозг его, что называется, включился и заработал, и стало ясно, что тело девушки попало на крышу еще до снегопада, и именно поэтому на снегу нет никаких следов (это же так элементарно!), в связи с чем он взял себя в руки и немного успокоился.

Гарик обогнул заслонявшую обзор бетонную коробку выхода на крышу и в нерешительности остановился. Подходить ближе к телу он не стал, побоялся оставить свои следы на снегу рядом с трупом – не хватало еще, чтобы его потом по какой-нибудь ошибке обвинили в этом убийстве. Гарик внимательно вглядывался то в изображение на мониторе, то на фигуру на плоскости крыши. Лицо девушки было мертвенно-бледным, тело в значительной мере уже остыло, в связи с чем снег не таял на ее ресницах и волосах.

Надо было, конечно же, срочно звонить в полицию, но от волнения Гарик даже позабыл, в каком кармане у него мобильник. Снег летел, время шло, а Гарик так и стоял, не решаясь тронуться с места и вглядываясь в изображение на мониторе, будто бы сверяя его с телом на плоскости в реале.

Странно, но в какой-то момент, вглядываясь в мертвенно-бледное лицо девушки, Гарик обратил внимание на ее губы, будто застывшие в желании сказать что-то очень важное. И даже вздрогнул от этого.

– Почему ничего не отвечаешь-то? Я кричу, кричу... Что это? – неожиданно возникшая рядом с ним Кристина тут же в непонимании выпучила на труп глаза, после чего сразу же набросилась на Гарика с кулаками: – Ты это специально, да?! Специально так все подстроил, да?! Дебил!

– Э-э-э, полегче, – слегка оттолкнул ее от себя он. – Я не имею к этому никакого отношения! Сам только что, как и ты, это все увидел.

Кристина ему, конечно же ни капли не поверила, в нервной злости топнула ногой и с всхлипами кинулась прочь.

– Да подожди ты! – не отводя глаз от увиденного, попытался остановить ее словами Гарик. – Говорю же тебе, я тут вообще ни при чем.

Всхлипы Кристины прозвучали еще пару секунд и тут же растворились где-то внизу на лестнице.

– Знаешь, кто это? – так, будто Кристина все еще была рядом, обратился к ней Гарик. – Это же Мара Закирова! Певичка! Я ее знаю. Вернее, знал раньше... Мы с ней пересекались как-то пару раз в клубе...

* * *

Все еще ощущая на себе чей-то внимательный взгляд, Жанна лежала и притворялась спящей, но продолжаться так бесконечно долго, конечно же, не могло. Пора было уже что-то менять, тем более что никакой новой информации, способной что-то объяснить или дать какую-то новую пищу для размышлений по поводу исчезнувших из памяти кирпичиков воспоминания о вчерашнем позднем вечере и ночи, в мозг не поступало, в связи с чем Жанна наконец-то решила «проснуться».

Не желая выказать своего плохого настроения или поселившегося в ее душе горького разочарования, а также не желая предстать в нехорошем свете (зачем кому-то вообще знать о том, что творится в ее душе), Жанна собралась с силами, как спортсмен мысленно досчитала до десяти, потом блаженно потянулась, медленно выползая из-под одеяла, и сладко зевнула, хотя зевок тоже получился на редкость фальшивым и каким-то, мягко говоря, недоделанным. Жанна села в кровати, блаженно сощурилась и растянула на губах счастливую, якобы радостную новому дню улыбку.

– Привет! Проснулась?! – услышала она почти что мальчишеский хриловатый голос. – Доброе утро!

Это явно был не Виктор!

– Доброе! – все еще сладко улыбаясь, но от удивления съехав голосом чуть ли не до баса, протянула Жанна.

– Ты так забавно вздрагиваешь, когда спишь. И еще что-то бормочешь во сне. Я, правда, ничего не разобрала. Тебе что-то снилось?

– Не помню, – все тем же непонятно откуда взявшимся басом ответила Жанна и прокашлялась, а сама внутренне похолодела: неужели она во сне все еще думала про Мару?

– Бывает! Иногда до холодного пота что-то снится такое страшное, а потом наутро даже и не вспомнишь, что именно это было.

Жанна уставилась на говорившего, и поняла, что это совсем не парень, как ей показалось сначала по голосу, а девушка лет восемнадцати в черных плавках и белой облегающей майке-алкоголичке, безо всяких там намеков на девчачью привлекательность, с короткой стрижкой на крашенных в иссиня-черный цвет волосах. Смотрела девушка на Жанну карими, безо всякого даже намека на косметику глазами вполне доброжелательно, но взгляд этот Жанне категорически не понравился.

Девушка сидела, скрестив ноги, прямо на полу, на небольшом спортивном коврике, так, как это делают люди, занимающиеся йогой.

Жанна окинула взглядом комнату и нашла интерьер убогим и унылым. Скорее всего, жилье это было съемным, без какого-либо даже намека на уют: небольшая комната с запыленным допотопным советским плафоном на потолке. Большую часть комнаты занимала двухспальная кровать и допотопный лакированный шкаф «мейд ин совдепия». Также в комнате были пара гитар, комбик и пошарпанная колонка на высокой ноге у окна.

– Я хотела тебя разбудить, но не решилась это сделать, – сказала девушка. – Ты такая забавная, когда спишь.

«Этого мне еще не хватало!» – гневно подумала Жанна и кивнула в сторону окна:

– Твои гитары?

Девушка молча кивнула и как-то странно улыбнулась.

Говорить вроде больше было не о чем, и обе, глупо улыбаясь, смотрели друг на друга и молчали. Жанна при этом улыбалась как-то глупо вымученно, а девушка – глупо доброжелательно.

Наконец, прикрываясь одеялом, Жанна неуверенно встала.

– Ты, наверное, одежду свою ищешь? – спросила девушка. – Блузка в ванной. Я ее застирала и погладила.

– А юбка? – предательски дрогнувшим голосом спросила Жанна.

– Юбка на спинке стула, – ответила та и, вставая с пола, спросила: – Сделать тебе кофе?

– Было бы неплохо! Где мой айфон?

– Не знаю, – пожала плечами девушка. – При тебе вроде бы ничего не было. Я вызывала такси по своему мобильнику.

– Он был в сумке, – с упавшим сердцем произнесла Жанна.

– Сумки тоже не было. Там было что-то ценное? Деньги? – поинтересовалась девушка.

– Не особо много! Сумка, конечно, дорогая... – Жанна вымученно растянула на губах глупую улыбку. – Видимо, оставила вчера вечером в офисе. Так наклюкалась вчера, что вообще ничего не помню.

Девушка понимающе улыбнулась в ответ.

Жанна втиснулась в юбку, застегнула молнию и поспешила в ванную, где сорвала с плечиков блузку и тут же напялила ее на себя, после чего только лишь взглянув в зеркало на свое отражение, принялась полоскать опухшее лицо холодной водой.

«В общем, больше никогда никакого алкоголя!» – решила она.

– Тебе с сахаром? – крикнула с кухни девушка.

– Лучше без, – отозвалась Жанна, промокнула лицо полотенцем, кое-как попыталась пригладить растрепанные волосы, после чего выскочила в коридор, втиснулась в туфли, накинула пальто и, царапая железо замка ногтями, стала судорожно и неумело вертеть пипку. Замок был допотопный и все никак не хотел открываться. Жанна пыталась и так, и этак открыть дверь, пока не почувствовала за спиной присутствие хозяйки квартиры.

– Извини, я спешу, – не оборачиваясь сообщила ей Жанна. – Кофе попьем как-нибудь в другой раз.

Даже не желая думать, вежливо это или невежливо – вот так вот второпях покидать чужое помещение, Жанна еще раз нервно дернула дверную ручку.

Не говоря ни слова, девушка с кружкой дымящегося кофе в руке подошла ближе, свободной рукой уверенным жестом повернула пипку замка в нужную сторону, открыла дверь и таким образом выпустила Жанну на лестничную площадку.

Будто вырвавшись на свободу, Жанна выскочила из квартиры.

Спускаясь по лестнице, Жанна в самый последний момент поймала взгляд девушки, которая безо всяких эмоций и с кружкой дымящегося кофе в руке смотрела вслед. Она понимала, что надо было бы сказать что-то на прощание или как-то по-другому себя повести, чуточку вежливее, что ли, но просто не догадалась, как это сделать и что вообще нужно сказать в такой ситуации. Самым правильным в этот момент ей показалось как можно скорее покинуть эту неприятную квартиру. Выбегая в запорошенный снегом двор, она даже из простого человеческого любопытства не оглянулась назад, чтобы запомнить дверь, подъезд или дом, и, не оборачиваясь, пошла к дороге.

Впрочем, даже покинув эту чужую квартиру, Жанна поняла, что нехорошее свербение в голове не прошло, а наоборот, только усилилось, а память о вчерашнем вечере, напротив, так ни капли и не восстановилась.

* * *

В какой-то момент Гарик уже даже пожалел, что вообще решил вызвать на место происшествия полицию. Нет, сделать это, конечно же, было необходимо, и не он, так кто-нибудь другой всенепременно сообщил бы в полицию. Или просто надо было уйти и отзвониться откуда-нибудь с другого места, к примеру, с парковки около дома, а уж никак не отсюда, да еще и не ждать потом приезда опергруппы. Пока сотрудники полиции ехали, пока потом искали по всем этажам понятых, пока фиксировали все и осматривали, он стоял недалеко от трупа и всерьез уже жалел, что не собрал манатки и не смылся с крыши вслед за Кристиной. Сотрудники полиции все делали не в пример долго и нудно, может, оттого, что очень кропотливо и тщательно. Но все равно долго. И даже не спеша натягивавший на пальцы медицинские перчатки криминалист-эксперт, по мнению Гарика, мог бы делать это чуточку быстрее.

Гарик уже успел проголодаться, замерзнуть от ветра и от снега (куртка и кроссовки его промокли) и жутко устать к тому моменту, когда наконец-то дошла до него очередь давать письменные объяснения о том, как он сюда попал и с кем, а также во сколько и с какой целью, и как обнаружил труп, и по какому телефону звонил, и кому еще рассказывал об этом. Записывал все это оперативник тоже не очень-то спешно, ко всему прочему, протокол с объяснениями на ветру постоянно норовил оборваться с картонного планшета, а оставленные снежинками на листе мокрые пятна размазывали след шариковой ручки и превращали его в кляксы.

Впрочем, наверное, все в самом деле делалось очень тщательно, Гарик отметил для себя, что самозабвенно копошащийся вокруг трупа бородатый, интеллигентного вида эксперт, видимо, позабыв про то, какая от снега на крыше сделалась слякоть, не жалея даже брюк и не боясь простудиться, исследуя рану на шее погибшей, встал на колено в самую что ни на есть жижу и, не испытывая по этому поводу никакого дискомфорта, пребывал в таком положении весьма долгое время. Поверх сдвинутых на кончик носа очков он рассматривал объект и так, и этак, делая для себя какие-то выводы, что-то записывая в тетрадь и почти не замечая никого вокруг.

После того как письменные объяснения у Гарика, наконец-то, были, как выразился оперативник, «отобраны», Гарика пришлось еще объясняться с каким-то главным полицейским начальником в звании полковника, который ввиду важности происходящего соизволил прибыть на место преступления с другими какими-то тоже очень важными персонами, вроде как даже начальником уголовного розыска, и с женщиной – начальником следственного отдела, а также еще с кем-то – с кем именно, Гарик так и не понял.

Гарик, конечно, понадеялся, что с приездом начальства дело пойдет быстрее, но не тут-то было. Ничего ровным счетом не изменилось, даже наоборот, все стало делаться еще более кропотливо, и даже оперативники стали переговариваться с белобрысым, достаточно молодым следователем чуточку тише, вежливее и совершенно уже без каких-либо матюгов.

– Да ёпэрэсэтэ! Что ни дежурство, так обязательно гемор какой-нибудь! – обращаясь к находившемуся поблизости Гарику, негромко пробурчал следователь и, сделав паузу в составлении протокола осмотра места происшествия, украдкой посмотрел в сторону начальства – не слышали ли.

– Товарищ капитан, а что?! Были ранее подобные случаи? – сидя уже от усталости на корточках немного в стороне от него, спросил Гарик и многозначительно покосился на труп.

– В смысле? – не понял тот и, не дожидаясь пояснений, сказал: – Да всякое бывает! Бывает, труп из колодца поднимать приходится, или поножовщина какая-нибудь по пьяной лавочке, особенно после праздников... Но такого еще не было, – и в раздражении подытожил: – Короче, долго тут еще проколупаемся.

Он хотел сказать что-то еще, но тут на крыше произошло какое-то шевеление: один из оперов, находившийся у выхода с крыши, подбежал к полковнику и что-то коротко и негромко сообщил.

– Еще чего! – буркнул начальник. – Никаких средств массовой информации. Нечего им тут делать! Когда надо будет, я к ним сам лично выйду и все доложу. А пока скажите, пусть ждут, проводятся неотложные оперативные следственные действия и... Короче, никого постоянного сюда не пускать до тех пор, пока не будут выполнены все необходимые мероприятия!

После этих слов Гарик придвинул к себе ближе кофр с аппаратурой, которую собрал и зачехлил еще до приезда полиции. Не хватало еще, чтобы они изъяли у него, пусть даже и на время, достаточно дорогостоящую технику! На этот случай, боясь, что отнимут, он даже карту памяти с отснятым материалом спрятал в нагрудный карман.

После того как, судя по всему, были розданы все необходимые наставления, команды и приказы, начальство во главе с полицейским полковником двинулось к выходу, но покинуть крышу не успело.

– А это еще что такое? – негромко произнес гнусавым голосом делавший свою работу до этого исключительно молчком бородатый эксперт, чем незамедлительно привлек к себе всеобщее внимание.

– Что там такое? – в группе других важных начальников, видимо, в предчувствии чего-то не особо хорошего, неторопливо обернулся к нему полковник.

Поскольку эксперт не поторопился объяснить смысл своих слов, а продолжил что-то исследовать и высматривать на теле погибшей, все, следя за его манипуляциями, замерли в томительном ожидании. Даже главный полицейский начальник в звании полковника не потребовал как-то и что-то объяснить, а молча и терпеливо стоял, ждал продолжения. Видимо, отвлекать эксперта в такой важный момент никому и ни при каких обстоятельствах не следовало, в том числе и главному начальнику.

Эксперт неторопливо поправил на своем носу очки, после чего, придерживая одной рукой челюсть погибшей, другой рукой осторожно приоткрыл губы и аккуратно извлек изо рта скомканную бумажку и, так и не вставая с промокшего колена, протянул находку полковнику.

– Послание с того света, – грубо и все так же гнусаво сдохмил он.

Полковник подошел к нему и, слегка наклонившись, стал рассматривать комок.

– В чистый полимерный пакет. И оформить как вещдок! – скомандовал полковник.

Все еще держа бумажный комок на вытянутой, одетой в медицинскую перчатку руке, эксперт поинтересовался:

– А развернуть-то? Или как? – и Гарик, хотя вопрос был адресован вовсе не ему, как-то по-дурацки глупо и часто-часто закивал головой.

Полицейский начальник тоже разрешительно кивнул: разворачивай, мол.

– «И я видел, что агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри...» – глядя на развернутую записку поверх очков, гнусаво прочитал эксперт, после чего, переведя взгляд на полицейского начальника все так же поверх очков, сообщил: – Из Библии.

– Да уж ясно, что не из Уголовного Кодекса, – отозвался тот и в сердцах ругнулся: – Черт знает, что творится!

– Вот что-то подсказывает мне, что все это не просто так! – тревожно улыбаясь, сообщил эксперт.

– Ну, так ясен пень! – сердито отозвался полковник.

* * *

Что-то странное и в то же время несказанно доброе и счастливое произошло вчера в жизни Жеки Гросмана, сразу же после чего в его судьбе все чудодейственным образом переменялось, в душе загорелся волшебный фонарь, и будто из пепла возродились какие-то угасшие надежды, а также вырисовались какие-то новые планы.

Он даже и не понял, в какой момент это все произошло, и посему с блаженством мысленно погружался в воспоминания вчерашнего дня, повторяя и смакуя их снова и снова.

А вчера, хмурый и усталый, минут сорок он тусовался в зале прилета, рассматривая выставленные на продажу в украшенных уже искусственными еловыми ветками бутиках книги, кедровые орешки, сувениры, магниты и прочую лабуду.

Прибытие рейса давно уже объявили, однако ворота выхода в город все еще были пусты, прилетевшие, как водится, сначала ждали остановки самолета, потом подачи трапа, потом прибытия багажа.

В какой-то момент показавшегося ему просто бесконечно долгим нервного ожидания Жека сел за столик кафешки напротив выхода из зала прилета, бросил куртку с бейсболкой на стул рядом, оставшись в футболке с ярким принтом и намотанном на шею шарфе, и стал изучать меню, хотя заказывать авторский чай, настоящий живой свежесваренный кофе или эксклюзивное пирожное у него всякое желание сразу же пропало, как только он взглянул на цены. Не то чтобы в кафешке было очень уж дорого – хотя, конечно, все-таки на самом деле несколько дороговато, – просто Жека с недавнего времени стал считать, что всему есть своя красная цена, переплачивать которую он принципиально не имел никакого намерения, потому что все на свете должно быть на своем месте и стоять ровно столько, сколько должно стоять – ни больше, ни меньше. Угрюмо посмотрел он по сторонам, на других отдыхавших в кафешке, кинул небрежные взгляды на капкейки и шоколадные маффины перед гостями и на витрине и, тут же уличив себя в зависти, грустно вздохнул. С завистью, как выяснилось, у него были свои собственные счета. С некоторого недавнего времени Жека понял, что наконец-то перестал себя обманывать, и все чаще ловил себя на мысли, что самым настоящим образом откровенно завидует владельцам дорогих машин и яхт, владельцам шикарных загородных особняков и квартир в элитных новостройках, и даже просто завидует состоявшимся более успешным коллегам-музыкантам. Еще совсем недавно он был уверен, что все у него еще впереди – и успех, и оvation, и лучшие концертные площадки, и крутая машина, и шикарная квартира, и регулярные поездки на Мальдивы и Бали, – и вдруг раз, стукнуло Жеке сорок семь, сразу же после чего туман неожиданно развеялся и стало совершенно очевидно, что находится он в своих драных джинсах, кожаной потертой косухе, кедах, футболке с прикольным принтом и бейсболке уже по совершенно другую сторону реальности, в которой ничего хорошего в будущем для него, скорее всего, уже не будет, кроме, разве что, ежедневного сидения в студии и работы над заказанными ему аранжировками вкупе с частными уроками игры на гитаре

для каких-нибудь несовершеннолетних оболтусов. Да и с чего, спрашивается, взяться чему-то хорошему, если и раньше, положив руку на сердце, ничего хорошего в его жизни не было? Ведь не с неба же по волшебству упадет ему на голову успех и богатство. Это раньше он с презрением относился к тем своим коллегам, которые променяли свои рок-группы и музыкальные коллективы на репетиторство и частные уроки игры на музыкальных инструментах, а теперь и сам уже подумывал кроме основной работы в студии обзавестись парой-тройкой постоянных учеников. Какой-никакой, а доход! Это раньше он себе говорил: «Все у тебя будет! Не завидуй! Нехорошо это!». А теперь уже вовсе, без всякого зазрения совести завидовал самой что ни на есть черной завистью и нисколько уже не стыдился этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.